

Ледоход — эпизод 2 из 8

Мне кажется, что он сбивает людей с работы своими рассказами, имея какую-то цель, но я не понимаю хочет ли он болтовней прикрыть свою лень, или дать людям отдых? Перед подрядчиком Осип держится льстиво, низкопоклонно, ломает дурака перед ним и каждую субботу умеет выклянчить у него на чайшко для артели.

Вообще он человек артельный, но старики его не любят, считают шутом, бездельником и относятся к нему неуважительно, да и молодежь, любя слушать его болтовню, смотрит на него несерьезно, с недоверием, плохо скрытым и часто злым.

Мордвин, парень грамотный, с которым я говорю иногда по душам, однажды, на мой вопрос что за человек Осип, сказал, усмехаясь:

Не знай... пес его знает... так себе ничего...

И, подумав, добавил:

Михайло, который помер, резкий был мужик, умный, так он раз лаялся с им, с Осипом-то, да и говорит: Али, говорит, ты человек? Работник в тебе подох, а хозяин не родился, так, говорит, ты и будешь всю жизнь болтаться на углу, как забытый отвес на нитке... Вот это, поди-ка, верно про него...

И еще подумав, мордвин беспокойно договорил:

А так он ничего, добрый человек...

У меня глупейшая позиция среди этих людей: пятнадцатилетний парень, я приставлен подрядчиком записывать расход материала, следить, чтобы плотники не воровали гвоздей, не таскали в кабаки досок. Гвозди они воруют, нимало не стесняясь моим присутствием, и все усердно показывают мне, что я на работе среди них человек лишний, неприятный. И если кому-нибудь представляется случай незаметно задеть меня доскою или иным способом причинить мне маленькую обиду они это делают очень умело.

Мне с ними неловко, стыдно; я хочу сказать им что-то, что помирilo бы их со мною, но не нахожу нужных слов, и меня давит угрюмое чувство моей ненужности.

Каждый раз, когда я записываю в книжку количество взятого материала, Осип не торопясь подходит и спрашивает:

Нарисовал? Ну-ко, покажь...

Смотрит на запись прищуря глаза и говорит неопределенно:

Мелко пишешь...

Он умеет читать только по печатному, пишет тоже печатными буквами церковного устава гражданская пропись непонятна ему.

Это корытцем-то какое слово?

Добро.

Добро-о! Ишь петля какая... А что написано строкой этой?

Досок вершковых, девятиаршинных, пять.

Шесть.

Пять.

Как же пять? Вот, солдат перерезал одну...

Это он напрасно, надобности не было...

Как же не было? Он половинку в кабак снес...

Спокойно глядя мне в лицо голубыми, как васильки, глазами, с веселой усмешечкою в них, он навивает на палец колечки бороды и неотразимо бесстыдно говорит:

Рисуй шесть, право! Ты гляди, кукушкино яичко, мокро, холодно, работенка тяжелая надобно людям побаловать душеньку, винцом-то ее обогреть? Ты не строжись, бога строгостью не подкупишь...

Говорит он долго, ласково, кудреватое, слова сыплются на меня, точно опилки, я как бы внутренне слепну и молча показываю ему переправленную цифру.

Ну, вот это верно! И цифра красивше, вон какой купчихой сидит, пузатенька, добренька...

Я вижу, как победоносно он рассказывает плотникам о своем успехе, знаю, что они все презирают меня за уступчивость, мое пятнадцатилетнее сердце обиженно плачет, а в голове вертятся скучные, серые мысли:

Все это странно и глупо. Почему он уверен, что я снова не переправлю б на 5 и не скажу подрядчику, что они пропили доску?

Однажды они украли два фунта пятивершковых костылей и железные скобы.

Слушай, предупредил я Осипа, я это запишу!

Вали! согласился он, играя седыми бровями. Что, в сам-деле, за баловство?

Вали, рисуй их, маминых детей...

И закричал ребятам:

Эй, шалыганы, костыли и скобы на штраф вам записаны!..

Солдат угрюмо спросил:

Почто?

Проштрафились, стало быть, спокойно пояснил Осип.

Плотники заворчали, косо поглядывая на меня, а у меня не было уверенности, что я сделаю то, чем пригрозил, а если сделаю так это будет хорошо.

Уйду от подрядчика, сказал я Осипу, ну вас всех к чертям! С вами вором станешь.

Осип подумал, погладил бороду, сел рядом со мною плечом и сказал тихонько: Это правильно!

Что?

Надо уйти. Какой ты десятник, какой приказчик? В должностях этих надобно понимать, что есть имущество, собачий характер надобен тут, чтоб охранять хозяиново, как свою родную шкуру, мамино наследство... А ты для этого дела молод пес, ты не чувствуешь, чего имущество требует. Если бы сказать Василь Сергеичу, как ты нам мирволишь, он бы те в тую самую одну минуту по шее, вполне решительно!